

*Коллектив
авторов*

Бешенство

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виктор Канюк

Бешенство

«Автор»

2026

Канюк В.

Бешенство / В. Канюк — «Автор», 2026

Одна из стран применила биооружие на основе вируса бешенства. Вирус мутировал. Заражённые не умирают — они перестают быть людьми. За сутки города превратились в кладбища, улицы заполнились теми, кто движим только голодом. Макс — двадцатилетний грузчик, подтянутый, достаточно умный и по-своему добрый. Но когда ситуация требует, он становится резким и жёстким — иначе не выжить. Он из тех, кто сначала делает, а потом думает. Юля — его соседка, которую он втащил в свою квартиру за день до коллапса. Она худая до прозрачности: запястья как птичьи косточки, ключицы торчат, грудные кости проступают сквозь бледную кожу. Любой удар может стать для неё последним. Где-то за сотни километров отсюда, в другом городе, остались его родные. Макс нужно пересечь мёртвую страну, кишашую заражёнными. Но он не знает, сможет ли — потому что теперь ему нужно защищать ту, кто не выдержит и короткой пробежки.

© Канюк В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Руслана Раутова, Илья Фидосов, Виктор Канюк Бешенство

Глава 1

ГЛАВА 1. ПОСЛЕДНИЙ ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ

За день до коллапса

Радио в подсобке орало дурным голосом, но никто не делал тише. Наоборот — мужики только прибавляли громкости собственными выкриками, и маленькое помещение без окон, заставленное картонными коробками и залитое мертвенным светом люминесцентной лампы, гудело, как растревоженный улей. Пахло машинным маслом, дешёвым табаком из вейпов — сигареты здесь курили только на улице, начальник склада штрафовал нещадно, — и ещё чуть-чуть кислым потом, вьевшимся в рабочую одежду. Макс сидел на перевёрнутом пластиковом ящике, привалившись спиной к стеллажу с накладными, и лениво жевал хлеб, прежде чем положить на него последний ломоть копчёной колбасы.

Телевизор, прикрученный проволокой к кронштейну под потолком, показывал новостной канал. Дикторша с лицом восковой куклы зачитывала сводку, но слов было почти не разобрать: помехи шипели, антенна ловила отвратительно. Однако суть долетала. Веска нанесла удар по приграничным районам Торина. Удар не обычный — биологический. Кадры с дронов мелькали на экране: серые коробки зданий, пустые улицы, люди в защитных костюмах, носилки, палатки с красными крестами. А потом дикторша, чуть сбившись с интонации, добавила: Республика Альмер приняла решение разместить пострадавших от биоатаки в своём приграничье. Первые рейсы с заражёнными придут в Кречет уже в течение недели.

Кречет был в двух часах езды отсюда.

Мужики взорвались одновременно, как петарды в одной связке.

— Вы слышали?! Они их сюда везут! В Кречет! — Толяныч, старший кладовщик, краснолицый мужик под пятьдесят, саданул ладонью по столу так, что подпрыгнула чья-то кружка. — Совсем ё***сь, что ли? Там же зараза! По телеку сказали — биооружие! А вдруг оно по воздуху передаётся?

— Да не ссы, Толяныч, у тебя и так организм — спирт, ни одна бактерия не выживет, — хохотнул Паша, молодой водитель погрузчика, но смех его был невесёлым, а скорее нервным, с подлаивающими нотками. Он дёрнул себя за ворот футболки, будто ему вдруг стало душно, хотя в подсобке работал вентилятор.

— Я тебе посмеюсь! — Толяныч ткнул в экран толстым пальцем с обкусанным ногтем. — Там людей косят, а наши их сюда тащат! В Кречет! А если оно расплзётся? Если эти, как их, заражённые, сбегут? У нас тут ни больниц нормальных, ни лекарств — вон, в аптеке даже бинты только по рецепту! А они — везут!

— Ты так орёшь, будто это мы их везём, — лениво бросил Гриша, самый старый из работников, седой и вечно спокойный, как удав. Он чистил апельсин, и цедра падала на газету, расстеленную на коленях. — Везут и везут. Нам-то что? Война далеко. Может, и не довезут.

— Ага, «не довезут», — передразнил кто-то. — А если уже везут? А если эта х**ь, — он мотнул головой в телевизор, — по воздуху ходит? Мы тут все подхватим!

Макс откусил от бутерброда и смотрел на экран. Там теперь показывали карту: красные стрелки, очаги, зоны заражения. Текст бегущей строки предупреждал о временном закрытии границ. Лицо дикторши было спокойно, но руки, перебиравшие бумаги, дрожали — или

это просто рябь помех. Макс прожевал и почувствовал, как хлеб встаёт поперёк горла. Не от страха, а от какого-то смутного, липкого предчувствия. Он отогнал его, как обычно отгонял мысли о плохом: просто убрал в дальний угол сознания и придавил привычной рутинной.

— Эй, Макс! — окликнул его Толяныч. — А ты чего молчишь? Сидишь там, жуёшь, как мышь за шкафом. Нормально ж ситуация, а?

Макс дожеввал, не торопясь, стряхнул крошки с колен и взял со стола пачку сигарет — не своих, у него не было, выпросил одну у Паши ещё утром.

— А чё говорить? — он пожал плечами, поднимаясь. — Без нас решат. Пойду покурю.

— Да погоди ты со своими перекурами! — Толяныч аж привстал. — Ты слышал вообще, чё несут? Они сюда заражённых тащат! А вдруг там и правда зараза по воздуху?

— Если по воздуху, — Макс накинул на плечи лёгкую рабочую куртку, несмотря на то что на улице было тепло, — то нам уже ничего не поможет. Ни ваши крики, ни телевизор. Так что я покурю.

Он улыбнулся — одной из тех своих улыбок, которые обычно гасили назревающий спор: неглубокой, немного усталой, без вызова. Мужики заржали — кто-то нервно, кто-то искренне, Толяныч махнул рукой, мол, иди уже, умник хренов. Макс толкнул дверь плечом и вышел из подсобки.

Склад встретил его привычной прохладой. Высокие стеллажи уходили под потолок, коробки с бытовой техникой громоздились одна на другой, пахло картоном, пылью и новым пластиком. Где-то пиликал погрузчик. Макс пересёк огромный зал, кивнул охраннику на пропускном пункте и вышел через служебный вход на погрузочную рампу, залитую дневным светом.

Улица встретила его странной, неестественной тревогой, которую он почувствовал кожей ещё до того, как осознал разумом. Солнце стояло высоко, тёплое, почти ласковое — начало осени в их широтах часто баловало последним теплом, — но люди вокруг двигались не так, как обычно. Быстрее. Дёрганее. Макс стоял на рампе, прикуривая, и смотрел вверх бетонного забора на кусок проспекта, видневшийся отсюда. Женщина с сумками почти бежала через дорогу на красный свет. Двое мужчин возле газетного киоска размахивали руками, тыкая в экран телефона. Водитель грузовика, припаркованного у обочины, не глушил мотор и нервно барабанил пальцами по рулю, вглядываясь в телефон. По тротуару прошла старуха с тележкой, гружёной пакетами с гречкой и, кажется, десятком рулонов туалетной бумаги, торчащих из сумки, как белые флаги капитуляции.

Макс затаился и выдохнул дым в сторону, чтобы не летело обратно в открытую дверь склада. Он смотрел на город и думал, что люди сходят с ума быстрее, чем любая зараза. Слухи, паника — это страшнее бомб будет. В груди шевельнулось что-то смутное, но он снова придавил это усилием воли. Он не любил тревожиться заранее. Смысла не было.

Он достал телефон. Экран высветил время: 14:47. Ещё три часа до конца смены. Три часа — и он свободен. Три часа разгружать фуры, перебирать накладные, слушать ор Толяныча, а потом — два выходных. Он уже предвкушал их, как предвкушают глоток воды в жару: выспаться, залипнуть в телефон, может, сходить в бар с пацанами. Простые, понятные планы. Макс убрал телефон, затушил окурок о подошву и вернулся в прохладный полумрак склада, спиной чувствуя, как за забором закипает невидимая, пока ещё тихая паника.

Оставшиеся три часа прошли как обычно — если не считать того, что Толяныч раз пять включал новости на телефоне и каждый раз озвучивал всё громче и громче. Погрузчик Паши пару раз глох, Гриша уронил коробку с микроволновками, но в остальном смена катилась по рельсам. В шесть вечера Макс переоделся, попрощался и вышел на улицу уже в гражданском: джинсы, футболка, та же лёгкая куртка. Город дышал вечерней прохладой, но тревога, которую он заметил в обед, теперь сгустилась, как сироп. Машин на дорогах было подозрительно мало, зато возле продуктового на углу толпились люди.

Он зашёл в магазин — и остановился на пороге.

Полки были полупусты. Не так, как бывает перед закрытием, а по-настоящему: зияющие провалы там, где ещё вчера лежали крупы, консервы, масло. Хлебный отдел сиял голыми решётками. В отделе заморозки осталось только несколько пакетов с овощной смесью, которую никто не брал. Макс прошёл мимо стеллажей с алкоголем — там тоже подчистили, но не так радикально, — и свернул в хозяйственный. Пусто. Ни туалетной бумаги, ни салфеток, ни мыла. Вообще ничего. Он взял пару банок энергетика с полки, где они сиротливо стояли в окружении пустоты, и пару упаковок лапши быстрого приготовления — «куриный вкус», который он тайне любил с детства, хотя никому в этом не признавался.

На кассе было два человека, и оба с набитыми доверху тележками. Макс терпеливо ждал, разглядывая содержимое их тележек: гречка, соль, спички, консервы, вода. Сзади уже подтягивалась очередь, кто-то нервно перешёптывался. Когда подошла его очередь, он кивнул на полупустые полки и спросил у кассирши — уставшей женщины лет пятидесяти с бейджиком «Тамара»:

— А что, день распродаж? Или конец света по расписанию?

Тамара подняла на него глаза, красные от недосыпа, и вздохнула так, будто держала этот вздох весь день.

— Если бы, сынок. Люди как с ума посходили. С самого утра прутся и прутся. Всё под метёлку выгребли. Туалетка ещё вчера закончилась — её километрами скупали, ты не представляешь. Я звоню в торговый зал, прошу вынести остатки со склада, а мне говорят: нету, всё. Представляешь? Туалетная бумага. Конец света, честное слово. Ладно бы гречка, но бумага-то куда? Обороняться ею, что ли?

Она устало улыбнулась, и Макс усмехнулся в ответ, хотя усмешка вышла кривоватой.

— Может, бункеры строят. Или на баррикады, — сказал он и выложил на ленту свои нехитрые покупки.

Тамара пробила их, не переставая качать головой:

— Вот и я говорю: люди — они и есть главное сумасшествие. В новостях страшат, вот все и бегут. Ты бы тоже, может, затарился. Мало ли что. Соль вон ещё есть, возьми пачку.

Макс подумал, мотнул головой, расплатился и вышел.

До дома он шёл пешком — двадцать минут неспешным шагом. Их пятиэтажка стояла на окраине, в старом районе, где дворы поросли тополями и липами, а скамейки у подъездов были заняты либо бабушками, либо подростками с пивом. Сегодня бабушек не было. Подростков тоже. Двор был пуст и тих, только ветер гонял по асфальту обрывок целлофанового пакета. На детской площадке, одиноко скрипя, качались пустые качели. Макс перекинул пакет в другую руку и ускорил шаг. Что-то в этой тишине было неправильное. Слишком ранняя. Слишком плотная.

Возле подъезда он её заметил.

Юля сидела на ступеньках, привалившись плечом к перилам, и, кажется, не замечала ничего вокруг. Её светлые волосы, стриженные под каре, упали на лицо грязными прядями — давно не мытыми, но не запущенными, а просто заброшенными, как вещь, до которой никому нет дела. Одетая она была странно: короткие шорты, открывающие ноги, — и при виде этих ног у Макса внутри что-то неприятно сжалось. Они были неестественно худые. Бёдра — как две палки, обтянутые бледной, почти прозрачной кожей; колени — острые узлы, торчащие слишком явно. Голени — тонкие, с выступающей костью, голубоватые вены просвечивали у щиколоток. Шорты висели на бёдрах, как на вешалке. Сверху — толстовка размера на три больше, явно мужская, серая, с вытянутыми рукавами, в которых тонули её запястья. Эти запястья были как птичьи косточки — хрупкие, обтянутые кожей так туго, что, казалось, тронь — и сломаются. Ключицы выпирали из-под ворота толстовки, а когда она чуть пошевелилась, ткань натянулась, и Макс увидел очертания грудных костей, проступающих сквозь бледную кожу,

как рёбра старой лодки сквозь истончившийся холст. Лицо — осунувшееся, с тёмными, почти чёрными кругами под глазами, которые казались слишком большими на этом измождённом лице. Губы бледные, сухие. Взгляд — отсутствующий, направленный куда-то сквозь грязный асфальт, сквозь двор, сквозь этот мир.

Она была похожа на ходячий труп. Или, как говорили соседи, на наркоманку, которая доживает последние дни.

Макс знал её. Знал в лицо и по слухам. Квартира сверху. Живёт одна, иногда к ней приходят какие-то мутные личности, иногда она пропадает на несколько дней, а потом появляется снова — ещё более измождённая. Баба Зина с третьего этажа говорила, что девка сидит на какой-то тяжёлой химии, потому что от неё пахнет аптекой. Кто-то говорил — антидепрессанты, кто-то — что похуже. Макс не вникал. В его картине мира она была просто наркоманкой — больной, пропащей, чужой. И сейчас, глядя на неё, он не испытывал ничего, кроме безразличной жалости, смешанной с раздражением: сидит тут, пугает людей.

Она медленно, как в воде, подняла голову. Их взгляды встретились. В её глазах почти ничего не отражалось — ни страха, ни смущения, ни вызова. Просто мутная, застывшая гладь, в которой тонул свет уходящего дня. Она посмотрела на него и не сказала ни слова. И он не сказал. Макс натянул на лицо гримасу отвращения — чуть поджал губы, свёл брови, — отвёл взгляд и, обойдя её, как обходят лужу, толкнул дверь подъезда. Она пахла сыростью, старой штукатуркой и едва уловимо — кошками. Он поднялся на свой этаж, стараясь не думать о том, как хрупко выглядела её шея, когда она повернула голову.

Дома Макс бросил пакет на кухонный стол, скинул кроссовки, прошёлся босиком по холодному линолеуму. Квартира была маленькая, однокомнатная, но для одного — вполне. Старый диван, платяной шкаф, телевизор на тумбочке, кухня-прихожая по совместительству. Он включил чайник и, пока тот закипал, залил лапшу кипятком из-под крана — потом долёт горячей, когда заварится. Насыпал в кружку растворимого кофе, три ложки сахара, дождался, пока чайник щёлкнет, и залил. Запахло дешёвым кофе и куриным бульоном из пакетика.

Он сел за стол, пододвинул к себе телефон, открыл видео. Какой-то обзор на новую технику, которую он никогда не купит. Ел лапшу прямо из пластиковой коробки, запивал кофе, тупо смотрел в экран, но мысли разбегались. В голову лезло всякое: новости, лица мужиков в подсобке, крики Толянча, очередь в магазине, худые ноги соседки сверху. Он тряхнул головой, прогоняя наваждение. Не его дело. У каждого своя жизнь. Своя война.

Поев, он вымыл тарелку — скорее по привычке, чем из аккуратности, — пошёл в ванную. Вода была едва тёплая, бойлер опять барахлил. Макс стоял под душем, глядя, как мыльная вода стекает в слив, и думал о том, что через пару дней у него выходные. Два дня. Можно никуда не ходить, не слышать ор Толянча, не таскать коробки. Просто лежать, смотреть кино, есть лапшу и ни о чём не думать. Эта мысль была тёплой и мягкой, как старое одеяло. Он ухватился за неё, завернулся в неё и позволил себе расслабиться.

В спальне он задёрнул шторы, лёг на диван, подбил подушку под голову. За окном было тихо — неестественно тихо для вечера пятницы. Ни музыки из соседнего двора, ни пьяных криков, ни лая собак. Только где-то далеко, на самой грани слышимости, завывала сирена — и смолкла. Макс закрыл глаза. Перед внутренним взором на секунду всплыло лицо соседки сверху: тёмные круги под глазами, тонкая шея, взгляд, в котором ничего нет. Он отогнал и этот образ. Спать. Просто спать. Завтра будет обычный день. Или не совсем обычный, но — будет.

Он уснул быстро, провалившись в темноту, как в глубокий колодец. Спал без снов, дышал ровно и глубоко, не зная, что это его последний спокойный сон на очень, очень долгое время.

Где-то за двести километров к границе Республики Альмер двигалась колонна военных грузовиков с красными крестами на тентах. В кузовах, в изолированных боксах, везли тех, кто ещё вчера был людьми. А сегодня

Глава 2

ГЛАВА 2. ТРЕЩИНЫ

День коллапса

Проснулся Макс поздно — сказывалась накопленная за неделю усталость. Солнце уже вовсю било сквозь щель между шторами, разрезая комнату жёлтой полосой. Он полежал немного, глядя в потолок и слушая тишину за окном — странную, непривычно плотную для субботнего утра. Ни соседского радио, ни детских криков с площадки, ни гула машин. Только где-то далеко, на самой границе слуха, снова выла сирена — или ему уже казалось, что он слышит её даже в тишине. Макс спустил ноги на пол, прошлёпал босиком на кухню. Вчерашний пакет с покупками так и стоял на столе. Он достал вторую упаковку лапши, плеснул кипятка, пока заваривалась — открыл банку энергетика. Сделал глоток. Холодная, приторно-сладкая жидкость обожгла горло и помогла разлепить глаза. Он ел прямо над раковиной, глядя в окно на кусок серого неба, затянутого облаками. День обещал быть пасмурным и душным — таким, когда воздух стоит неподвижно, а на горизонте копится что-то тяжёлое, но никак не прольётся. Покончив с завтраком, он натянул джинсы, футболку, взял с тумбочки недопитый энергетик и вышел в подъезд. Замок щёлкнул за спиной. В подъезде пахло сыростью и хлоркой — накануне кто-то мыл лестницу. Он спустился на пару ступеней, и тут с улицы донёсся крик. Не просто громкий возглас, а настоящий, полный ярости визг, от которого у Макса мгновенно сжались плечи — инстинктивно, как от удара. — Да я тебя, тварь!.. — голос срывался на ультразвук, захлёбывался слюной и ненавистью. — Шалава конченная! Наркоманка поганая! Макс толкнул входную дверь и вышел на крыльцо. У подъезда, прямо на асфальте, разыгрывалась сцена, от которой у него что-то перемкнуло внутри. Галина Петровна, соседка с третьего этажа — та самая, которую во всём доме тихо и дружно ненавидели за её визгливый нрав, привычку писать жалобы и бесконечные скандалы по любому поводу, — стояла, широко расставив ноги в домашних тапках на босу ногу, одной рукой вцепившись в волосы Юли, а другой — наотмашь — била её по щеке. Звук был такой, будто кто-то хлопнул мокрой тряпкой по столу: глухой, отвратительно телесный. Голова Юли дёрнулась, светлые пряди натянулись в кулаке Галины Петровны, кожа на виске покраснела. На асфальте валялась та самая серая толстовка, сброшенная, растоптанная, с грязным следом подошвы на рукаве. — Чего ты здесь расселась, а?! — орала Галина Петровна, снова замахиваясь. — Чего ты тут торчишь, позорище?! Наркоманить к себе иди! Проститутка! Весь подъезд провоняла своей химией! Я на тебя в полицию заявление напишу! Юля не кричала. Не вырывалась. Она просто висела в её руке, как сломанная кукла, — тонкая шея неестественно выгнута, запястья-птичьи косточки безвольно опущены вдоль тела, глаза полузакрыты. Из разбитой губы текла тонкая струйка крови — неспешная, будто ленивая, она сбегала по подбородку и капала на футболку. На щеке уже наливался красный след от удара. А в глазах — ничего. Та же мутная, застывшая гладь, что и вчера. Макс смотрел на это одно мгновение — ровно столько, сколько понадобилось, чтобы внутри поднялась волна не жалости, нет, а глухого, тошнотворного раздражения пополам с брезгливостью. Он не хотел в это лезть. Он хотел пройти мимо. Но какая-то часть его — та, что отвечала за совесть, назойливая и несвоевременная, — толкнула его вперёд прежде, чем он успел себя остановить. — Э! — рявкнул он, сходя с крыльца. Голос получился громче, чем он рассчитывал, и Галина Петровна вздрогнула, на секунду ослабив хватку. — Отпусти её. Совсем крыша поехала, что ли? Соседка обернулась. Лицо у неё было красное, потное, с выпученными от ярости глазами — лицо человека, который дорвался до возможности выплеснуть всё, что копилось годами. — А ты не лезь, Максим! — зашипела она, брызгая слюной. — Ты знаешь, кто она? Знаешь, чем она тут занимается? Она ж наркоманка конченная! К ней мужики ходят! Я видела! И сидит тут, у подъезда, как блядь подзаборная! Честным людям пройти противно! Макс сде-

лал шаг вперёд. Медленный, тяжёлый. Лицо его застыло, скулы заострились, и в голосе прорезалась та самая сталь, которая появлялась у него только в моменты настоящего гнева.— Я сказал — отпусти. А то уебу нахуй, поняла? Ещё раз тронешь её — я тебя саму отсюда унесу, блядь. Ты меня знаешь, я слов на ветер не бросаю. Галина Петровна задохнулась от возмущения, но руку разжала. Юлия мешком осела на асфальт, нелепо подвернув под себя ногу. Соседка отступила на шаг, поджала губы, окатила обоих взглядом, полным чистого, концентрированного яда, и, не сказав больше ни слова, скрылась за дверью подъезда. Грохнула дверь, лязгнул замок. Макс остался стоять над Юлей. Она не поднималась, сидела на асфальте, опустив голову, и кровь с разбитой губы капала на её колени — острые, торчащие сквозь ткань шорт. На предплечье, там, где Галина Петровна, видимо, вцепилась ногтями, багровели свежие царапины. Макс посмотрел на неё сверху вниз — на эту жалкую, сломанную фигурку, на грязные волосы, на трясущиеся тонкие пальцы, которыми она пыталась стереть кровь с подбородка. Внутри шевельнулось что-то похожее на жалость — и тут же утонуло в привычной брезгливости. «Сама виновата», — подумал он. Ничего не сказал. Просто развернулся и пошёл в сторону склада, оставив её сидеть на асфальте. Шагал быстро, сунув руки в карманы, и старался не думать о том, что только что видел. Энергетик в руке нагрелся, стал противно тёплым — он выкинул банку в урну на углу, даже не допив. На душе было паршиво. Но совесть он удовлетворил — вмешался, разнял, дальше пусть сама разбирается. Не его это дело. Не его. На складе всё шло своим чередом. Толяныч орал на водителя фуры, которая пришла на час позже графика. Паша дремал на своём погрузчике, уронив голову на руль. Гриша сортировал накладные, бормоча себе под нос что-то про «бардак и разгильдяйство». Макс втянулся в привычную рутину: разгрузил две фуры с холодильниками, пересчитал коробки с микроволновками, помог Паше переставить паллету в дальний угол склада. Утренний инцидент постепенно отступал на задний план, затирался монотонной работой. Новости по радио больше не передавали — включили музыку. Но мужики всё равно гудели: кто-то видел военные грузовики на трассе, кто-то слышал, что в Кречете уже развернули карантинную зону, а кому-то жена прислала сообщение — закрывают школы и детсады. Время подошло к обеду. Макс как раз шёл в подсобку, предвкушая перерыв и чей-нибудь бутерброд, который можно стрельнуть у Толяныча, когда навстречу ему вышел начальник склада — Игорь Дмитриевич, немолодой уже мужчина с вечно усталым лицом и залысинами, которые он тщательно зачёсывал. Вид у него был не просто уставший, а какой-то потерянный — так выглядит человек, которому только что сообщили плохую новость и который ещё не решил, как её подавать подчинённым.— Так, мужики, — он остановился посреди зала, и все, кто был поблизости, повернулись к нему. — Слушай сюда. Склад сегодня закрываем. Прямо сейчас. В подсобке повисла тишина — такая глубокая, что стало слышно, как на улице чирикает воробей. Первым опомнился Толяныч:— В смысле — закрываем? А фура с плитами? Она ещё не разгружена! — Плиты подождут, — отрезал Игорь Дмитриевич. Он говорил спокойно, но пальцы его рук, сжимавшие планшет, побелели. — Мне только что звонили из администрации. В Кречете что-то пошло не так с привезёнными заражёнными. Подробности не дали. Сказали — временно приостановить работу всех предприятий, люди чтобы сидели по домам. Пока не устаканится. Я сам ничего толком не знаю. Всем спасибо, все свободны. Как будет ясность — наберу. И ушёл — быстро, не оборачиваясь, оставив мужиков переваривать услышанное. Макс стоял, чувствуя, как внутри что-то медленно, противно холодеет. Он не любил неопределённость. Он любил, когда всё идёт по плану: смена — дом — выходные. А тут Закрывают. Просто так. Среди дня. Из-за какой-то паники. Он чертыхнулся про себя, собрал вещи и первым вышел со склада. Настроение было испорчено вчистую. В кармане пикинул телефон — оповещение от новостного приложения: «Власти Альмера призывают граждан сохранять спокойствие. Информация о нештатной ситуации в Кречете уточняется». Уточняется. Как всегда. До дома он шёл тем же маршрутом и по привычке свернул к магазину. То, что он увидел, заставило его остановиться как вкопанного. Витрина была раз-

бита. Не просто треснута — разбита вдребезги. Осколки стекла хрустели под ногами, дверь болталась на одной петле, и изнутри несло резким запахом разлитого алкоголя. Макс шагнул внутрь. В торговом зале царил хаос: стеллажи перевёрнуты, по полу рассыпаны макароны и раздавленные консервные банки, в луже чего-то тёмного плавали обрывки ценников. Свет мигал — одна из ламп была разбита. У кассы на перевёрнутом ящике сидела Тамара. Она держалась обеими руками за голову, и сквозь пальцы сочилась кровь — не сильно, но достаточно, чтобы по шее сбегали тонкие красные дорожки. Рядом суетилась молоденькая помощница — совсем девчонка, на вид лет семнадцати, — пыталась приложить к ране какую-то тряпку и причитала дрожащим голосом: — Тамара Васильевна, ну пожалуйста, давайте скорую ещё раз наберём. Может, доедет быстрее — Да не доедет, — глухо ответила Тамара, не поднимая головы. — У них вызовов — не продохнуть. В городе дурдом. Макс подошёл ближе, осторожно перешагивая через осколки, и присел перед ней на корточки. Запах алкоголя здесь был особенно резким — кажется, разбили целую секцию с крепким спиртным. — Что случилось? — спросил он, хотя ответ уже и так рисовался перед глазами. Тамара подняла на него взгляд. Глаза у неё были красные, воспалённые, но слёз не было — только злая, выжженная усталость. Она отняла руку от головы, и Макс увидел рваную рану на виске — неглубокую, но обильно кровоточащую. — Что случилось, спрашиваешь? — голос у неё был хриплый, сорванный. — А то и случилось. Как новость эту новую передали — что в Кречете всё, труба, заразу не удержали, — так у людей напрочь крышу снесло. Пришли. Сначала просто брали. Потом стали отнимать друг у друга. Потом — она закашлялась, сплюнула на пол кровавую слюну. — Я попыталась их остановить. Дура старая. Сказала: «Ребята, вы чего творите?» А один схватил бутылку вискаря с пола и — мне в голову. Вот так. Скорую вызвали, а она не едет. Говорят, ждите. Вот сидим, ждём. Помощница всхлипнула, прижимая тряпку к виску Тамары. Макс выпрямился, чувствуя, как в груди поднимается волна бессильной злобы. Не на кого-то конкретного — на всё сразу. На этот день. На эти новости. На людей, которые за сутки превратились в стадо. — Вам помочь чем-то? — спросил он, понимая, что вопрос глупый. — Иди домой, сынок, — Тамара махнула рукой, и кровь с пальцев брызнула на пол. — Иди. Нечего тебе тут делать. Запрись и сиди тихо. Похоже, это только начало. Он кивнул и вышел. На улице оглянулся на разбитую витрину, на перевёрнутые тележки у входа, на людей, которые быстрым шагом пересекали дворы, прижимая к себе сумки и пакеты. Где-то далеко завывла ещё одна сирена — или та же самая, только ближе. Небо затянуло окончательно, стало серым и низким, и воздух пах гарью — то ли жгли мусор, то ли уже что-то серьёзнее. До дома он дошёл быстро. Мыслей в голове почти не было — только усталость и странное, тянущее чувство, что привычный мир трещит по швам. У подъезда он снова увидел её. Юля сидела на том же месте, где он оставил её несколько часов назад, — прямо на асфальте, привалившись спиной к стене. Толстовку она подобрала и накинула на плечи, но та была грязная, в разводах. На лице прибавилось ран: к разбитой губе добавилась свежая ссадина на скуле, и под глазом наливался синяк. Кто-то ещё успел до неё добраться после Галины Петровны — или просто пинали прохожие, которые теперь шарахались от любой подозрительной тени. Она сидела, обхватив колени руками, и смотрела перед собой всё тем же пустым, заторможенным взглядом, в котором мир отражался как в мутной луже — искажённо и без смысла. Макс остановился. В висках застучало. — Какого хера ты тут сидишь? — спросил он резче, чем хотел. Голос прозвучал грубо, но ему было всё равно. — У тебя квартира есть или нет? Юля медленно, как под водой, подняла голову. Их глаза встретились. И в её взгляде — впервые за всё время — мелькнуло что-то. Не жалость к себе. Не просьба. Просто тень усталости, такой глубокой, что на её фоне даже отчаяние казалось бы ярким. — Квартиру забрал банк, — сказала она безжизненным, совершенно ровным голосом, будто сообщала прогноз погоды на завтра. — Вчера. Я сижу здесь, потому что мне больше некуда идти. Извини. И снова опустила глаза. Голова её упала, волосы закрыли лицо. Макс стоял над ней и чувствовал, как внутри что-то с грохотом рушится — не жалость, нет, а последняя надежда на то, что этот день

можно просто пережить и забыть. Она сидела у его подъезда, без дома, без денег, с разбитым лицом и пустым взглядом, и он понимал: если он сейчас развернётся и уйдёт, то завтра — или даже сегодня — её могут просто убить. Добьют. Или заберут в какой-нибудь притон. Или она просто умрёт от голода и побоев прямо здесь, на этом грязном асфальте. И это будет на его совести. Не потому, что он обязан, а потому что он прошёл мимо. Он цыкнул — резко, сквозь зубы. Глубоко вдохнул, задержал воздух в лёгких и медленно выдохнул. — Слушай сюда, — сказал он, и голос его прозвучал жёстко, почти зло. — Тебе есть к кому пойти? К своим ёбарям, или кто там у тебя? Она подняла взгляд — всё тот же мутный, пустой. Медленно, едва заметно, покачала головой. — Ясно, — бросил Макс. — Тогда хватит тут сидеть. Он наклонился, схватил её за руку — за то самое запястье-птичью косточку, которая уместилась в его ладони целиком, с запасом, — и рывком поднял на ноги. Она была почти невесомая. Ткань толстовки задралась, и он увидел синяки на внутренней стороне предплечья — старые, жёлтые, явно не от сегодняшних побоев. — Пусти, — сказала она тихо. — Не надо. Я сама как-нибудь. Но голос был вялый, безвольный, и когда Макс потащил её к двери подъезда, она попыталась вырваться, но попытки были жалкими, невесомыми, как движения мухи, попавшей в паутину. Тонкие пальцы скользнули по его руке, не оставив и царапины. Макс не отпускал. Он тащил её вверх по лестнице, не оборачиваясь, чувствуя её слабое сопротивление и слыша её сбитое дыхание за спиной, но не останавливался. Если остановится — передумает. А совесть, та самая назойливая, несвоевременная, толкала его в спину и не давала свернуть. Дверь квартиры открылась. Он втолкнул Юлю внутрь, захлопнул замок и только тогда выпустил её руку. Она пошатнулась, схватилась за стену, чтобы не упасть. В прихожей повисла тишина, нарушаемая только её прерывистым дыханием. — Ванная там, — Макс мотнул головой в сторону коридора. — Там вода, мыло, полотенце на вешалке. Приведи себя в порядок. Выглядишь как черт знает что. Она стояла, опустив голову, и молчала. Он добавил — жёстко, с расстановкой, глядя ей прямо в глаза: — Если ты здесь наркотой какой-нибудь накидаешься — выгоню сразу к чертям. Поняла? Юля не ответила. Просто развернулась и пошла в ванную — медленно, держась за стену. Дверь за ней закрылась с тихим щелчком. Послышался шум воды. Макс не пошёл на кухню. Вместо этого он развернулся, шагнул к балконной двери, отдернул штору и вышел на балкон. Холодный воздух ударил в лицо, принес с собой запах гари — уже не воображаемой, а настоящей, горькой, с примесью чего-то химического. Он достал из пачки сигарету — ту самую, что стрельнул у Паши ещё утром, — прикурил, затянулся. Дым обжёг горло, но стало легче. Он стоял, опершись на перила, и смотрел на город. Тот гудел. По улицам одна за другой проносились машины скорой помощи — с включёнными мигалками, но без сирен, будто сирены уже не имели смысла. За ними, переваливаясь на колдобинах, ехали военные «Уралы» с брезентовыми тентами, и в кузовах сидели солдаты. Между ними шныряли «УАЗы» с военными номерами, и все они двигались в одном направлении — к выезду из города. Или, наоборот, от него. Макс не мог разобрать. Мир внизу жил своей, уже не совсем человеческой жизнью. Телефон в кармане пиликнул. Он вытащил его, ожидая очередную новостную сводку, но на экране висело оповещение от городской администрации. Короткое, сухое, без подробностей: «Уважаемые граждане! В связи с нештатной ситуацией в городе вводится комендантский час с 20:00 до 07:00. Выезды из города временно закрыты. Просьба сохранять спокойствие и оставаться дома». Макс перечитал дважды. Комендантский час. Закрытые выезды. Он посмотрел на трассу, ведущую из города, — та была пуста, только у поворота стояли два военных грузовика и что-то перегораживало дорогу. Похоже на блокпост. Он затянулся в последний раз, задушил окурок о перила и выбросил вниз, в серую пустоту двора. Вернулся на кухню. Чайник он так и не включил. Сел за стол, упёр локти в колени и опустил голову на руки. Ему нужно было переварить всё, что случилось за этот бесконечный, сюрреалистичный день. Закрытый склад. Разбитый магазин. Окровавленная Тамара. Военные на улицах. Комендантский час. И теперь — эта девушка, которую он сам, своими руками, притащил в свою квартиру. О чём он

думал? Зачем? Он не знал ответа. За стеной шумела вода. Макс сидел и слушал, как она течёт по трубам, и пытался понять, с какого момента всё пошло не так. Прошло минут двадцать. Дверь ванной открылась. Юля вышла — всё в тех же коротких шортах, но уже без грязной толстовки. Вместо неё на ней была футболка — простая, белая, явно старая и застиранная до полупрозрачности. Без толстовки её тело открылось полностью, и Макс, подняв голову, замер на мгновение. Это было страшно. Ключицы торчали так резко, что между ними и кожей, казалось, не было ничего — только кость и тонкая прослойка. Руки — от плеча до кисти — напоминали две палки, обтянутые бледной, почти светящейся в сумерках кухни кожей. Грудные кости проступали под футболкой явственно, как рёбра у истощённого животного. Талия была такой узкой, что, казалось, её можно обхватить двумя ладонями — и ещё останется зазор. И поверх всего этого — синяки. Старые, жёлтые, на предплечьях, на плечах, на рёбрах, выглядывающих из-под футболки, когда она поднимала руку. Коллекторы, вспомнил он. Соседи. Улица. Весь этот город, который за сутки превратился в скотобойню. Она стояла в дверном проёме, сутулясь, обхватив себя руками, и смотрела в пол. Мокрая чёлка прилипла ко лбу, и тёмные круги под глазами на чисто вымытом лице казались ещё чернее. Макс отвёл взгляд. Поднялся, открыл шкафчик. — Чай, кофе, сахар — здесь. Хлеб в хлебнице. Лапша на столе. Холодильник почти пустой, но что-то есть, — он говорил отрывисто, не глядя на неё. — Спать будешь в зале, на диване. Я у себя. Постельное в ящике под телевизором. Вопросы? Она молча покачала головой. Всё тем же пустым, замедленным жестом. — Тогда всё, — бросил Макс и, не сказав больше ни слова, ушёл в спальню. Дверь закрыл. Щёлкнул замок — не от неё, просто по привычке запирается на ночь. Рухнул на кровать, не раздеваясь. Сил не было даже на то, чтобы разобрать постель. Он лежал в темноте и слушал тишину. А в кухне, в углу у батареи, сидела Юля. Она не включила свет. Не взяла ни чая, ни хлеба. Просто села на пол, прижав колени к груди и уткнувшись в них лицом. Плечи её дрожали. Плакала она почти беззвучно — одними губами и редкими, судорожными всхлипами, которые тонули в шуме старого холодильника и в гуле ветра за окном. В этом углу, на чужой кухне, в чужой квартире, она впервые за долгое время позволила себе заплакать — не от боли, не от побоев, а от того, что кто-то впервые за много дней схватил её за руку не для того, чтобы ударить. За окнами сгущалась ночь. Где-то на трассе, ведущей от Кречета, остановилась колонна военных машин. В кузовах что-то билось о стенки, рычало и царапало металл. Но город ещё спал. Последний раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.